

Часть первая

Прекраснодушные и ненависть

Глава 1

В мире штормит

Бури и их эхо

Как бы ни стараться быть оптимистом, не удаётся игнорировать сигналы тревоги, которые приходят из разных регионов Земли: то из Украины или России, то из Ближнего Востока или Среднего, то из Африки, то в связи с Китаем.... Эти сигналы говорят о региональном неблагополучии, об опасных процессах даже буре в развивающейся стране или сразу в группе таких стран. Но не только в них.

Тревожные процессы затрагивают и наиболее экономически развитые страны: Европу, США, даже Японию, Австралию и т.д., т.е. страны сравнительно, так сказать, более благоустроенные. В этих странах внешние сигналы звучат вроде эхо долгой отдалённой грозы, но время от времени тоже отзываются – кровавыми побоищами терактов или уличным вандализмом. Нервные реакции народов этих стран вряд ли объяснимы только соболезнаванием соотечественникам, погибшим в терактах, или исключительно коммерческими заботами. Опасные процессы происходят вне этих стран, но воспринимаются их народами как нечто аномальное, слишком грубо противоречащее их глубинным гуманистическим представлениям о поведении человека в обществе, об устройстве общества. Эксцессы вызывают к ответу от имени веры в прекрасное: в универсальность равенства всех людей и народов, в продуктивность их стремления к справедливости и благополучию, в

неизбежность желанного прогресса. Эти представления далеко не всегда воплощаются на практике и в благополучных странах, но их уже разделяют многие, и они интенсивно пропагандируются оптимистически-нетерпеливо настроенными интеллектуалами.

Бок о бок, но не одинаковы

Воздерживаясь от попытки слишком детально классифицировать страны, разделим их очень упрощённо – всего на две категории и, не рискуя называть конкретные страны, для краткости назовём страны, внушающие алармистские опасения, *А-странами* и сравнительно стабильные, благополучные страны *Б-странами*.

В результате шокирующих внешних процессов народы Б-стран время от времени берут на себя ношу противодействия разрушительным процессам, возникающим в А-странах. Это приводит к многочисленным жертвам, на это расходуются значительные ресурсы, но противодействия, как показывает опыт, толком не получается: проблемы всё равно не решаются, в лучшем случае дыры временно подштопываются, в худшем возникает опасный хаос. Тому пример: после победы в войне с хусеиновским Ираком американцы внедряли там демократию западного образца, и в совершенно неподходящей среде это привело к вооружённой борьбе ранее правившего меньшинства суннитов против демократически пришедшего к власти шиитского большинства. Другой пример – ошибочное, по признанию Президента США, вмешательство в Ливии, которое привело страну к хаосу, а Европу к приёму оттуда беженцев.

Попутно. Какая разница Б-странам, кто командует в Сирии, теперешний диктатор-алфавит или некий будущий суннит, который, став, как и теперешний, диктатором, постарается выставлять себя, вероятно, большим, чем он, демократом? Хотелось бы понять, откуда, из каких традиций или из какой потребности общества, возьмётся в Сирии мирное демократическое устройство или хоть какое-нибудь правительство, которое заботилось бы о населении?

Призывы к умиротворению и затем даже к действиям в этом направлении порождаются, как правило, не только корыстными интересами, но и самыми лучшими прекраснодушными намерениями, однако повторяющиеся неудачи приводят к печальному сомнению. Напрашивается вопрос, не стоит ли как-то изменить взгляд ответственности Б-стран на возникающие внешние проблемы, изменить

подход к ним. Не требуется ли выработать иную концепцию отношения к процессам, происходящим вне этих стран, процессам, которые выглядят в Б-странах или обнадеживающе, или отвратительно, или того хуже – угрожающе?

Но прежде, чем составить хотя бы предварительное мнение на этот счёт, попытаемся конкретизировать хотя бы некоторые черты проблемы – из тех, которые сегодня выглядят особенно актуальными.

В бывших колониях

На протяжении тысячелетий колонизаторская практика была повсеместной. В явном виде она прекратилась всего несколько десятилетий назад: обе мировые войны вели в той или иной мере колонизаторы, и они во многом были направлены на передел зависимых народов, условно говоря, – колоний. Только после второй из этих войн рост национального самосознания в колониях, поддержанный с разными целями, но на редкость дружно деятельностью США и СССР, привёл большинство колоний к самостоятельности. Впрочем, это явление не новое: обретение самостоятельности имело место и раньше. Например, будущая Россия, которая в виде княжеств с середины 13-го века была вроде колонии Золотой орды, с конца 15-го века развивалась самостоятельно, а США образовались на колониальных территориях Великобритании, затем Испании в конце 18-го века.

Бывший колониальный народ, обретя самостоятельность, пытался развивать свои общественные отношения в русле того образца, который ему продемонстрировал колонизатор. Наиболее яркие тому примеры: США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, которые восприняли традиции их бывшей метрополии – Великобритании (Канада – ещё и Франции), где движение к демократии началось ещё в 13-м веке.

Попутно. Иной пример – Россия. Она тоже многое восприняла от своего колонизатора XIII- XV веков и сберегла до сегодняшнего дня. Важнейшее из этого – склонность к централизации многих сторон жизни народа (подробнее об особенностях России – во второй части книги).

Не все народы А-стран ставят перед собой задачу войти в ряды Б-стран, а среди тех, которые не чужды такой задаче, не многим, по примеру Южной Кореи, удаётся хотя бы приблизиться к решению. Путь этот долгий, трудный, требует от народа единодушия в упорстве

и терпении. Даже Польша и Венгрия, такие исторически продвинутые страны, спустя 30 лет свободы от внешней зависимости и от коммунистической идеологии ещё далеки от жизненного уровня западных соседей. Есть страны (Турция, Египет), движение которых от А к Б идёт волнами: модернизаторский прилив с приближением к светскому обществу и относительной демократии сменяется отливом в сторону диктатуры с исламским уклоном. Есть народы, как будто свыкшиеся с диктатурой, с религиозным или социальным фундаментализмом и, большинство из них, – с бедностью. На самом же деле, видя пример Б-стран, они ощущают бедственность положения и ищут возможность какого-то улучшения, но вместо перспективы трудного движения в сторону Б-стран им подсовывают путь, который кажется более привлекательным, – к укреплению самовластья и к его величию за счёт экспансии.

На территориях недавних колоний, свернувших с путей, начатых при колонизаторах, возникают религиозные и социальные движения больших вооружённых групп, не зря воспринимаемые как опаснейший источник грядущего хаоса. Эти новые процессы, как видно, требуют выработки нового и достаточно определённого отношения со стороны Б-стран.

Наиболее актуальными для Европы выглядят процессы в мусульманских странах на Севере Африки и на Западе Азии.

Исламская экзотика

Фундаментальные ценности ислама, имея возраст в 14 веков, тем не менее, для своих наиболее верных адептов вечно молоды и даже сегодня совершенно непререкаемы. Для них ислам не только религия, но и идеология, и свод законов, определяющих жизнь внутри исламского общества и его взаимодействие с внешним миром, миром иноверцев или атеистов. В древних священных текстах мусульманин черпает всесторонние практические указания на важнейшие стороны современной жизни. В этих текстах, как сообщают изучавшие их, ярко представлены бескомпромиссная нетерпимость к любым иноверцам («неверным») и даже призывы к их уничтожению, причём всё это экспансионистски не ограничено географически. Нетерпимость и даже такое боевое дело, как джихад, имеют глубокую идеологическую основу в исламе, и эта основа – что-то вроде важнейшего морального

долга лично и непосредственно участвовать в создании идеального мира, мира без иноверцев.

Исламская категоричность, вероятно, помогла выжить народу в своё время, но теперь с точки зрения общественности Б-стран выглядит экзотически. В иудео-христианском мире крайности радикальной ветви ислама представляются просто-напросто изуверством. Несмотря на это исламский фундаментализм вполне актуален. Например, почти треть турок-мусульман (как сообщается, согласно их опросу в Германии) считает нужным вернуться к укладу жизни времён зарождения их религии, т.е. на 14 веков назад, хотя каков этот уклад большинству этой трети известно, полагаю, разве что по красивым стилизациям приключенческих кинофильмов.

К счастью, в исламском мире имеются и сторонники умеренности. Они склонны учитывать изменения в мире, возникшие в ходе веков. Поэтому, будучи искренне религиозными, они, тем не менее, не разделяют фундаменталистского радикализма, уважают взгляды иноверцев и подчиняются светским законам стран пребывания.

Попутно. В регламентировании не только личной религиозной жизни ислам не одинок. Иудаизм ещё раньше ислама сформулировал массу конкретных предписаний, касающихся жизни в обществе. Но заветом с Всевышним народ Израиля выделил себя среди прочих, и поэтому эта религия изначально не мессианская, а чисто национальная. Её предписания не навязывают нетерпимости: евреи давно привыкли жить и верить среди людей других религий. В иудаизме немало фундаменталистов, но, как можно понять, их интересует сфера религиозной жизни в большей степени, чем общественная жизнь или межгосударственные отношения.

Кстати говоря, фундаменталисты любых религий парадоксально не брезгуют современными техническими средствами, рождёнными в Б-странах.

Ужасаясь крайностям исламистов, надо всё же принять во внимание относительность оценок. Отрадно, что для очень многих казни путём публичного отрубания головы совершенно отвратительны. Но так ли далеки от этого европейцы? Совсем нет.

Всего два века назад французская революция публично рубила головы совершенно лихо. Затем стали применять другие методы, но тоже широко и временами массово.

Вспомним совсем недавнее, во время второй мировой войны, жесточайшее и часто изощрённое уничтожение многих миллионов людей. К уничтожению был назначен широчайший контингент: евреи, цыгане, инвалиды, военнопленные, заложники, комиссары, социали-

сты, аристократы, образованные, а также просто жители, лишние с точки зрения завоевателей. Применялись и душегубки, и расстрелы, и просто голод с холодом. В шахтах, на военных заводах, в поле использовали военнопленных и специально захваченных штатских, использовали жёстче, чем скот, – на износ. Вспомним, что всё это было предпринято с разными целями: идеологически – по расистским мотивам, прагматически – для производства и экономии пищи, тепла и одежды, жаждавшими жизненного пространства – для расчистки территории под будущее заселение колонизаторами. В осуществлении беспримерного ада гитлеровцам сопутствовала масса извергов от Франции до России. Многие из этих европейцев, образованные, учёные, христиане, участвовали с энтузиазмом, инициативно, с выдумкой.

Вспомним уничтожение многих миллионов своих подданных правительством СССР (вне Европы похожи Камбоджа, Китай).

Вспомним, каким образом всего 20 лет назад Россия дважды воевала с сепаратистами в Чечне или с какими жестокими эксцессами распадалась Югославия.

Так почему же достижения благополучия так презрительно поражены происходящим в мусульманском мире и берутся его учить морали?

Исламский взрыв

На части территорий Ирака и Сирии несколько лет назад возникло общественное образование, которое в мире Б-стран воспринимают как экстремистское, экспансионистское и даже террористическое. В России его воспринимали только как таковое: даже его название запрещено упоминать без указания на то, что оно является террористическим. Между тем, оно само считало себя именно государством (исламским государством – ИГ) и действительно некоторое время контролировало немалую территорию, имело органы государственного управления, армию и т.п.

Что же мешает рассматривать ИГ как состоявшееся государство? Думается, два обстоятельства. Во-первых, оно претендует на части территорий по крайней мере двух государств, т.е. его признание привело бы к пересмотру сложившихся границ, а это сложно, затрагивает много интересов и рассматривается как дурной пример. (Аналогичны причины всеобщего отказа дать статус государства или хотя бы какой-то автономии курдам, проживающим на территориях Ирака, Сирии и,

вдобавок, Турции.) Во-вторых, оно компрометирует себя, объявляя своей идеологией экстремистское следование самой радикальной религиозной идеологии, своей целью – безграничную экспансию и своим методом борьбы – не только привычные для всех военные действия, но террористические акты, которые осуществляются в разных странах и, в частности, в Б-странах.

Однако, террор – вполне обычное оружие слабой стороны, применяемое испокон веку. Вспомним свежие примеры: народовольцев России 19-го века или партизан 20-го века в СССР, в Польше, во Франции, в Югославии.

Попутно. Я жил в Москве на довольно спокойной улице, которая называется улицей Кибальчича – в честь, как ни странно, учёного изготовителя бомб для народовольцев. Удивительно раздвоенное сознание: он почитается несправедливо казнённым в прошлом героем, а в современной Москве был бы судим как экстремист-террорист. В связи с этим вспоминается пародия 30-х годов на отзыв о каком-то писателе из «бывших»: «он одной ногой стоит в прошлом, а другой приветствует будущее».

В случае ИГ видим очевидную асимметрию: с его стороны война велась простейшим вооружением и религиозной истовостью, а его противники без всяких препятствий, хладнокровно, под управлением новейших средств разведки и управления метали бомбы с совершеннейших воздушных аппаратов и издалека направляли ракеты. ИГ отвечает оружием бедных – стрельбой на поле боя и ужасом самоубийственного террора по отношению к мирным европейцам. С точки зрения ИГ идёт тотальная война, в которой тыл противника – тоже фронт (подобно второй мировой).

С ИГ воевали многие страны и даже обширные коалиции, они, вероятно, окончательно разгромили армию ИГ. Но будет ли это настоящей победой над ИГ, какой была, например, победа над нацизмом и японским милитаризмом? Создаст ли победа долговременное спокойствие, смогут ли нормально существовать затронутые войной мусульманские страны? Думается, рассчитывать на это было бы ошибкой: скорее всего, сторонников ИГ лишь загнали в подполье. Потому что ИГ – не просто шайка авантюристов, а порождение соблазнительной для многих идеологии, которая ничуть не более уязвима, чем идеология пролетарского интернационализма Ленина, фашизма Муссолини или социализированного расизма Гитлера. Показательно, что эта

идеология настолько сильна, что привлекает в армию ИГ не только жителей Ближнего Востока или, шире, мусульманских стран, но и мусульман из дальних Б-стран, а также даже молодёжь из коренного населения этих стран. В результате с ИГ приходится бороться не только авиации и не только военным советникам Б-стран, но и внутри этих стран – их разнообразным полицейским службам. После многочисленных ужасных событий, от террористической диверсии в Нью-Йорке до недавних терактов в Брюсселе, Париже, Ницце, Берлине... как не усомниться в успешности всех этих усилий?

Уместно спросить себя, где находится питательная среда распространения радикальной исламской идеологии. Пытаясь ответить себе на этот вопрос, не нахожу более подходящего понятия, чем комплекс неполноценности. Он проявляется различно в А-странах и в Б-странах.

Сначала о Б-странах. В них есть люди, и их число вполне заметно, которые ощущают себя аутсайдерами. Конечно, это особенно характерно для мигрантов. Адаптироваться, тем более интегрироваться в ментально новой среде трудно, удаётся далеко не всем, тем более не все становятся своими в этой среде, тем более не в первом поколении и даже не во втором. А если человек желает сохранить свою идентичность, национальную или религиозную, не желает полностью ассимилироваться? Последняя часть этого пути, стать своим, особенно трудна для человека, внешне отличного от людей коренного населения. Отсюда возникает неудовлетворённость жизнью, комплекс неполноценности, в чём человек склонен винить не себя, т.е. не негибкость своего мышления, не свою закрытость от нового для него мира, в который он прибыл слишком не подготовленным, а только новую среду. А она, эта среда Б-стран, до последнего времени была в целом нейтрально-благоприятной, хотя переселенец, конечно, временами наталкивался и на несправедливость, и на неприязнь (а разве коренные жители никогда не встречаются с этим?). И многим приезжим эта среда кажется несправедливо враждебной. Не раз замечал, что первоначальная идеализация новой среды, преувеличенные ожидания приветливости наряду с упомянутой внутренней закрытостью порождают у неوفита аутсайдерский конфликт. А в мусульманской среде он ведёт к подпаданию под идеологию радикального ислама и затем, не исключено, к его практике террора.

С сожалением приходится признать, что очень значительная часть террористических исламистских актов, если не большинство их, вы-

полняются вовсе не из-за границы и не вновь прибывшими, а теми, кто, как-то освоившись, уже успел разочароваться в достижении счастья в окружающей среде Б-страны. А возлезшие на вершины познания истины проповедники, украшенные вдобавок бородами и сединами, подсказывают ему лёгкий и почётный выход: не мучаясь далее, отведать радость самоотверженной борьбы, отомстить обидчикам и войти в рай неслыханных посмертных наслаждений! Как не вдохновиться этим и не поступить согласно известной бессмысленной клятве: «и как один умрём в борьбе за это»?

Попутно. Пушкин сказал, что Отелло ревнив, а доверчив. Польский исследователь Шекспира (забыл фамилию) приблизительно то же самое выразил иным языком: как неопит в среде белых Отелло доверчиво преувеличивал благонравие общества и, открывши реальное коварство, заблудился в отщепенстве.

Сегодняшняя ситуация неблагодарного пренебрежения чуждым обществом не нова. М.Ю. Лермонтов негодовал по сходному поводу почти двести лет назад:

И что за диво?.. издалека,
Подобно сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока,
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог шадить он нашей славы:
Не мог понять в тот миг кровавый
На что он руку поднимал!..

Германия, имевшая большой профицит бюджета, конечно, может накормить-одеть пару миллионов переселенцев и дать им жильё и медицинское обслуживание. Она даёт им ещё и возможность несколько сот часов бесплатно познавать немецкий язык на организованных для них курсах. Но удастся ли всей этой армии прибывших в страну мусульман безболезненно или хотя бы бесконфликтно влиться в немецкую среду? Это очень и очень сомнительно. Статистика говорит, что приблизительно через пять лет пребывания в Германии только треть мусульманских мигрантов имеет хотя бы не вполне полноценную работу.

Попутно. Не вполне ясно, зачем так называемых беженцев учить немецкому языку. Разве что предполагается, что они никогда не смогут или не пожелают вернуться на свою родину? Но тогда они – не беженцы, а переселенцы. Что же касается эффективности предлагаемых курсов, то в целом она невелика: преподаватели по незнанию языка курсантов не могут ни объяснить трудности немецкого языка на родном

им языке, ни тем более опереться на аналогии из этого языка. А взрослому освоить иностранный язык просто с голоса, как осваивают язык дети, доступно лишь при на редкость больших способностях.

Исход сотен тысяч людей из А-стран и их напор на границы Б-стран кажется каким-то беспримерным катаклизмом. Это действительно катаклизм, но совсем не беспримерный. История даёт бесчисленное количество примеров того, как орды из прежних А-стран, стремясь улучшить свою жизнь, взламывали границы соседних Б-стран и во многих случаях подчиняли их себе. В этом отношении район ближневосточного междуречья (теперешний Ирак и прилегающие земли), где несколько тысячелетий назад начался прогресс человечества, многократно являлся лакомой добычей для всевозможных пришельцев. Ирония судьбы: междуречье, будучи долго благополучным за счёт земледелия на искусно орошаемых землях, бесконечно подвергалось экспансии, а теперь, имея богатство не земли, как раньше, а нефти, тем не менее, само генерирует её. А как не всегда успешно отбивался Китай от северных кочевников, даже построил пограничную стену? Как Римская империя пала под напором варваров? Как Европа долго и не без потерь отбивалась от монголов, а потом от турок? Как Византийская империя исчезла под натиском сначала арабов, затем турок?

Попутно. Существует мнение этнографов, что причиной экспансии Б-стран является их перенаселённость. В мусульманских странах она вызвана, в частности, религиозным запретом противозачаточных средств, отсюда – многодетность, а также заимствованием из А-стран хотя бы элементарных медицинских навыков, отсюда – резкое уменьшение детской смертности. Это не сопровождается, к сожалению, соответствующим развитием экономики. В результате образуется масса молодых людей, которые не могут найти применения у себя в стране и, персонально или будучи организованными государством, бросаются вовне на поиски лучшей жизни. Где? Конечно, экспансией в сторону соседей и инфильтрацией в Б-страны.

Поскольку инфильтрация мусульман в Б-страны заряжена не только экономически, но и со всей страстью религиозно, т.е. идейно, то она имеет реальную склонность превратиться в стремление экспансионистски переделать страны-приёмники на свой, новый лад.

Волнения в США

В 2020 году в Миннеаполисе, США, был к несчастью убит полицейским чернокожий Флойд. Судя по тому, что пишут о его прошлом,

он – совсем не ангел, а повод для задержания – просто постыдный. Затем ещё и сопротивление полицейскому. Но скверные поступки убитого никак не оправдывают убийства! Судя по всем доступной съёмке, полицейский, похоже, без надобности несколько минут зажимал коленом шею уже обезвреженного Флойда. Этого полицейского никем не назовёшь, кроме как садистом, психом. Негодование его поступком, арест и суд над ним и его поделщиками – дело, безусловно правое. В недолгом времени оно и свершилось.

Но события пошли и другим путём. Во многих городах США широко разлились вандализм и воровство. В городе, где произошло убийство, негодующие сожгли здание полиции. Всё это безобразие, как пишут, хорошо координировалось крайне левыми, стремящимися подорвать устои общества и обманно называющими себя «антифа» – антифашистами, причём во многих городах США наблюдалось, как многие полагают, непротivление властей вандализму, мотивированное межпартийной борьбой.

Мало этого, чуть ли не в половине мира демонстративно лили слезы по убитому как по герою и истово, картинно каялись в грехах своих предков – явления, на мой взгляд, не только не относящиеся к сути дела, но искусственные, лицемерные. Ведь через рабовладение прошли все народы, в некоторых странах и сейчас оно есть, а предки американцев действовали в рамках современной им морали, о нынешней не ведая. Когда же они слишком проигнорировали изменение морали, поправку 150 лет назад внесла гражданская война. Можно с уверенностью утверждать, что представление о рабовладении двухсотлетней давности, бывшее тогда очень во многих странах вполне пристойным, сегодняшнее население большей части планеты считает для себя совершенно неприемлемым.

Не кажется ли странным покаяние не за свои вполне реальные скверные поступки, а за чужие, давно совершённые грехи рабовладения? Каяться за чужое, конечно, приятнее, но, если встать на этот путь, тем для покаяния окажется столько, что с колен и не встанешь.

Как труден путь к равенству, хорошо видно на примере юдофобства, о котором подробнее далее, в главе 3. И тем не менее, чернокожего и, как утверждают, мусульманина Обаму два раза выбирали президентом США, и это, на мой взгляд, свидетельствует об удивительной расовой толерантности избирателей этой страны. Не забудем, од-

нако, что этот пример показывает толерантность лишь в политическом отношении, а не в бытовом, где толерантность может быть отнюдь не столь радикальной.

Ещё один любопытный факт по поводу возможностей чернокожих в США – речь Кэндис Оуэнс (Candice Owens) об её отношении к притеснению и рабству в прошлом и настоящем, о лицемерии политиков. Эту речь произнесла молодая не очень чернокожая замужняя дама перед большим амфитеатром, заполненным внимательными слушателями. Она, в белых туфлях на высоких каблуках, уверенно жестикулируя и двигаясь по сцене, была так естественна и раскована, как удаётся мало кому. Право, из какого-нибудь гетто такая дама появиться не может.

Попутно. Если обстоятельства после убийства Флойда, изложенные здесь с чужих слов, верны, то вряд ли можно проигнорировать мнение, что борьба с тем, что сегодня размашисто называют расизмом, провозглашалась лишь для уловления электората из национальных меньшинств в ожесточённой борьбе за смещение президента Трампа.

С точки зрения рафинированных прогрессистов Трамп, пришедший на эту должность не из политической верхушки, а из бизнеса, был оскорбительно вульгарен. Некоторые его поступки были действительно нестандартны, хотя, насколько видно издалека, довольно эффективны. Так что неприязнь к нему, особенно со стороны политических конкурентов, представляется естественной, ненависть же – удивительной в политике, а размах и формы кампании с криками о расизме – никак не извинительны.

На своём веку автор издалека наблюдал президентства чуть ли не десятка разных лиц. Они были очень разными, но все старались служить стране, и каждый сделал ошибки. Критика же и страсти ограничивались уважением к тому, что за спиной президента чуть ли не половина избирателей, а то и больше. Но изживание Трампа шло сверхжёстко. И без особой необходимости, и не вовремя – эпидемия-то не шадит!

Обыкновенно каждый следующий период жизни страны вызревает в предшествующем. Так, слишком сильное, с точки зрения активной и влиятельной части народа, уклонение в предшествующий период от нормального или желательного развития страны, порождает реакцию нового правления на возврат к тому, что было перед предшествующим. Часто это происходит со значительным переклестом назад.

Трампа же породило предшествующее президентство, приведшее к недовольству части народа, наиболее связанной с конкретным производством и видевшей неблагоприятное в нём. Трамп резко повернул руль в другую сторону, может быть, слишком эмоционально. Но это сильно не понравилось другой части, считающей себя интеллектуальной элитой общества, которая в прежнем состоянии чувствовала себя комфортно. Она раздула против Трампа кампанию, не ограниченную рамками корректности, довольно скандальным образом сместила его и переложила руль назад, похоже, опять слишком сильно. И это видно по тому, что сторонники Трампа настолько не смирились, что устроили редкостную заваруху в Капитолии.

Всё это не к добру: ненависть мешает понять, затмевает суть проблемы, портит нравы, рождает ответное зло.

Глава 2

Уйти от шторма

Слыша угрозу

Судьба зловеще и всё настойчивей стучится прямо в двери Б-стран уже 20 лет, и только последнее время общественность этих стран начала кое-что слышать, понимать и просыпаться, ставя тем самым долго спавший истеблишмент в двусмысленное положение.

Приблизительно в 2015 году канцлер Германии назвала ислам частью Германии. Тогда эта мысль показалась неправдоподобной, но после нападения в Берлине, она иронически подтвердилась – он действительно пришёл в Германию. И в людных местах Берлина выстроены ряды тяжёлых заграждений против автомобильных наездов.

После многочисленных ужасных событий, как не усомниться в успешности сегодняшнего развития событий?

Признаюсь с сожалением, мне не удалось понять истинные причины решения правительств многих европейских стран и особенно Германии принять миллионы мигрантов из арабских стран.

Говорится о сердобольной помощи бедствующим, и их действительно очень жаль. (Но среди мигрантов вряд ли не большинство – крепкие молодые люди, которым больше под стать не искать лёгкого иждивенчества в чуждой стране, а бороться за своё благополучие в своей стране или в родственных арабских или, ещё шире, – в мусульманских станах. Папа Римский будто бы даже призвал принять всех бедствующих, что, конечно, неосуществимо: Европа слишком мала для сотен миллионов переселенцев из Азии и Африки.) Поскольку же правительство любой европейской страны избрано народом, а он вряд ли не эгоистичен, оно принуждено печься всё-таки о благе именно своего народа, и естественно предположить, что у такого правительства, помимо сердобольной доброты не то к беженцам, не то к ищущим лёгкой жизни переселенцам, имеются ещё какие-то замыслы.

Глухо говорится об исправлении таким образом плачевной европейской демографической ситуации. Однако, не говоря уж о мерах поддержки семей коренного населения (вот где и ещё в образовании был бы полезен упомянутый профицит), для этой цели существуют и

другие средства. Они известны: выборочный приём нужных работников на определённые рабочие места, приём работников из восточной Европы (например, из более бедных стран восточной Европы включая Россию), гораздо более походящих ментально, и, наконец, организация выполнения нужной работы путём некоторого подобия вахтового метода. Из всего этого известно лишь об очень слабом выборочном приёме: перед людьми ставятся уж очень неприемлемые условия.

Говорится ещё и о физической невозможности сдержать напор молодых людей из А-стран в Европу: не ставить же против них пулемёты? Если же действительно не хотеть наплыва чуждых переселенцев (речь не о желательных стране лицах), достаточно просто-напросто установить порядок, по которому всевозможная социальная помощь предлагается в нормальном объёме только гражданам страны и получившим от неё право постоянного в ней пребывания. Вплоть до предоставления этого права достаточно остальных ограничить проживанием в лагере для перемещённых лиц и талонами на питание и одежду. Стране с таким порядком приёма никаких пограничных пулемётов не требуется.

Остаётся предположить совсем странное: от страха перед терактами пытаются задобрить террористов массовым приёмом в Европу мусульманских беженцев, политических, религиозных, экономических, с документами, без документов – без разбора. И заодно с ними – будущих террористов. А берлинского террориста не удалось задобрить.

Попутно. Как будто развёрнутой метафорой ко всем этим событиям выглядит пьеса «Мамаша Кураж и её дети», созданная Бертольдом Брехтом перед второй мировой войной. В ней маркитантка Кураж, корыстно перетаскивая свою кибитку вслед за армиями Тридцатилетней войны, от эпизода к эпизоду её жизни получает одно несчастье за другим. Она поёт песню – воспоминание. В молодости, «с моими стремлениями к высшему»,

Я не знала, что такое половина,
И не знала слова «компромисс».

Позже, в прагматичной, как сказали бы теперь, зрелости
На коленях я уже стояла
И уже лежала на спине.

Эта песня (перевод С. Апта) сильно названа «Песней о великой капитуляции».

Вспомним, формальное равноправие евреев провозглашено немногим больше 200 лет назад, а чернокожие в США получили его и того позже – приблизительно ещё через 50 лет, реальному же признанию всего шесть десятилетий (великий мечтатель Мартин Лютер Кинг,

спасибо!). Как малы эти сроки для того, чтобы предубеждение против сильно отличающейся группы людей исчезло из сознания остального населения! Рассуждения же о том, что все люди равны и достойны счастья, сами по себе бесконечно симпатичны, но не слишком точны: легко видные отличия, внешние, ментальные, образовательные, мало помогают действительному безразличию к национальности. Кстати, отличие чернокожих от других, в том числе и от других нацменьшинств, явно проявляется в преступности, и полиция, не удивительно, – трусит и озлобляется, что видно в истории с гибелью Флойда.

Чтобы, говоря о свободе человека в обществе, избежать игры словами, не лучше ли говорить точнее – о равенстве прав. И уже сейчас в законах любой относительно благополучной страны формального неравенства прав нет: запрещено неравенство по любым признакам, расовым, религиозным, гендерным, возрастным... Но, будучи не одинаковыми, люди не равны в другом – в способности реализовать имеющееся равноправие. Она зависит от двух важнейших обстоятельств.

Первое – возможности человека действовать в рамках имеющихся одинаковых для всех прав. Эти возможности, физические, умственные, психологические, у разных людей и даже у разных групп очень и очень различны. Один азартен и неутомим в футболе, другой крепок в позиционных шахматах, третий же коварно блефует в покере – и каждый по-своему прекрасен и нужен, но на своём, свойственном ему месте. Неодинаковость людей обеспечивает необходимое для общества разнообразие и, надеюсь, будет проявляться всегда.

Второе – привычка относиться ко всевозможным другим, непохожим настороженно. Это – охранительный императив, заложенный в человека, как и в животного, на генном уровне, идущий из глубины тысячелетий и превратившийся в обычай. Подкреплю сказанное мнением Марка Твена (1888 год), обращённым к евреям:

«Почти все из нас испытывают антипатию к чужим людям даже собственной национальности. Вы всегда будете по своим способам мышления, привычкам и пристрастиям незнакомцами-иностранцами везде, где вы находитесь. И это, вероятно, навсегда сохранит расовые предрассудки, направленные против вас.»

Настороженность окружающих, конечно, мешает реализоваться равноправию меньшинств. Обычно она мало заметна, но иногда, как мы знаем, выливается в серьёзные эксцессы.

Смешанные браки, по-видимому, сгладят внешние отличия меньшинств от коренного населения. Но такие фундаментальные вещи, как семейный обычай учиться, трудиться, заботиться о близких, уважать чужое мнение и чужие привычки меняются неизмеримо медленнее, чем можно изменить законы или организовать разного рода благотворительность. Поэтому второе из упомянутых выше обстоятельств, думаю, будет сглаживаться совсем медленно, в темпе многих столетий.

И ещё заметим: беспричинно убеждать нацменьшинство в дискриминации – значит аморально внушать ему чувство безнадежности и лишать надежды, а с ней и воли к самоусовершенствованию (я такое сам пережил в конце сталинского правления). Вредно и иное – обещать: вот сейчас примем меры, и неравенство людей исчезнет, а потом это оказывается только лишь мечтой. Оно долго ещё просуществует в действительности, например, в уровне образования, с одной стороны, и в уровне преступности – с другой.

Сказанное не значит, что остаётся только сложить руки. Например, если где-то в государственных или частных учреждениях есть дискриминация чернокожих (или других меньшинств), нужно её решительнейше убрать. Именно убрать, а не заменить её, как некоторым хочется, установлением одним квот, т.е. другим «процентных норм».

Попутно. Насколько я знаю, бедные студенты во многих благополучных странах имеют целый спектр возможностей получить образование, которые, если нет злонамеренности, не ограничены происхождением: имеются кредиты, благотворительные фонды, возможности приработка и т.д. Но на всех этих путях есть не всем подходящее условие – требуется учиться и даже хорошо учиться в нелёгких обстоятельствах. Это далеко не всем по нраву, к этому далеко не все способны.

А риторика двуличных политиков, уличные эксцессы, как и неравенство, вводимое в виде преимуществ, ведут процесс как раз в обратную от успеха сторону. Они способствуют не активизации усилий поощряемых, а к их мечтательному паразитизму и к дискриминации остальных. И на поверхность жизни всплывают неодинаковость предоставляемых возможностей и, как следствие, взаимное озлобление, ненависть и борьба всех против всех.

Человеческая мораль не везде в мире одинакова, и вряд ли это недостаток нашего мира. Она изменяется медленно, неравномерно и уж во всяком случае – не куда кому вдруг захочется.

Европейцы знают по опыту, как нетерпеливая жажда общественно-го счастья (единоверства, социальной справедливости, расовой чистоты

ты) и самовольство на пути к счастью приводят к ужасным последствиям. Как легко поднять людей на всякую ненависть! И следом – на какой-нибудь погром. Печально наблюдать разного рода непотребные трансформации поведения: от благородного патриотизма – к злобному шовинизму большинства или от негодования меньшинства, справедливого или спровоцированного, – к безобразному вандализму и т.п. И всё это – ради обещаемого грядущего счастья (поминается из печальной песни А. Вертинского: «и в какой ещё рай нас погонят опять?»).

Проявляемое (кое-где и порой) несовершенство рода человеческого приходится принять как данность. Там, где это уместно, людям приходится по мере сил бороться с ним, и во многих обществах мораль постепенно смягчается. Но медленно.

В реальных условиях практически любой страны, люди меньшинства или должны иметь гигантское терпение, терпение многих поколений, или стать вовсе незаметными вроде испанских марранов. Для многих национальностей возможно ещё одно спасение от расового притеснения – перебраться в страну своих соплеменников (если такая существует!). Вполне вероятно, впрочем, что там большинство в свою очередь не радо меньшинствам. И «понаехавшим» тоже.

А возвращаясь к печальным эксцессам в США, не оставляет уверенность, что там достанет здоровых сил, чтобы успешно развиваться дальше, не впадая в крайности борьбы с ветряными мельницами.

Отдаление вместо вовлеченности

На вопрос, так как же всё-таки строить взаимодействие Б-стран с А-странами, видно не так уж много ответов, но настойчиво напрашивается поиск альтернативы тому, что практикуется сейчас.

Попутно. Прежде, чем перейти к теме, вспомним, что исламская опасность для Б-стран возникла не вчера. Но ограничимся недавним: плод завязался в результате первой мировой войны и вызрел на итогах второй. Первым его отведал Израиль. В большинстве европейских Б-стран до сих пор упорно и заносчиво игнорируют, что Израиль, 70 лет назад образовавшись и теперь борясь за самосохранение, борется также с той опасностью, которая подбирается и к Европе. Когда судьбоносная неприятность стучится в дверь соседа, этот стук не хотят слышать, даже злорадствуют.

Думается, что обществу Б-стран придётся в поиске альтернативы провести ревизию своих фундаментальных ценностей и воззрений.

Она печальна. Среди возможностей наиболее ясна та, которую можно назвать уважительным изоляционизмом.

Предстоит, видимо, признать, что недавние гуманистические представления общества, на пути к которым преодолено так многое, далеко не полностью укоренились и в самом этом обществе, и, тем более, слишком отличаются от состояния остального мира, их не удаётся распространить на этот мир.

Сторонникам экспорта европейского прогресса в А-страны кажется, что те просто отстали в развитии и надо бы их подтянуть, как подтягивают учеников в школе. Но не стоит ли представить себе, что каким-то из А-стран совсем не подходят ценности Б-стран, что они являются иными цивилизациями с другими ценностями, и эти ценности имеют равное право на существование? Иначе говоря, не пора ли отказаться от миссионерских притязаний внедрить свои ценности в чуждую им среду? Вместо этого не ограничиться ли там помощью в проведении реформ, да и то только в том случае, если общество А-страны действительно созрело эффективно использовать такого рода помощь на трудном пути к цивилизации Б-стран? Если так поступить, придётся закрывать глаза на что-то неприятное, даже неприемлемое для сознания народов Б-стран (но не жизненно опасное для них!).

Выработке такой концепции и затем следованию ей препятствует многое. Ведь пришлось бы, по-видимому, отказаться от очень приятной и важной веры в одинаковость всех людей на планете и всех их обществ, от веры в то, что все люди имеют одинаковые реальные и моральные ценности. Вероятно, главная на этом пути трудность – перестать самовлюблённо верить в то, что все общества идут именно к тому устройству, которого общества Б-стран едва достигли и которое им предстоит ещё долго совершенствовать.

Движению к такой концепции способствует подозрение, что вера в равенство и в меры по выравниванию рождены всего лишь самодовольством европейской цивилизации, колонизаторской в недалёком прошлом. Её идеологам кажется, что только она, цивилизация Б-стран, – вершина прогресса человечества и что остальные общества Земли не относятся к существенно другим цивилизациям, не менее ценным (но ценным по своему!), а обречены подтягиваться из их болотных трясин к сиянию этой европейской вершины. Потому что эти народы, де, не хуже европейских народов, в принципе равны им, вот только не знают счастья тянуться по пути Б-стран, чтобы когда-то стать неотли-

чимыми. И происходит это то ли из-за их детского недопонимания, то ли злонамеренно. В сущности, не придётся ли признать, что всё это – глубоко укоренившееся колонизаторское, даже расистское представление о второсортности, недоразвитости или, по крайней мере, детскости людей других цивилизаций, представление, которое лицемерно притворяется верой в равенство всех людей на Земле.

Попутно пришлось бы отбросить мысли о том, кто лучше и кто (в их утешение говорится: пока!) хуже, а принять, что народы равны не в велении всем равняться на Б-страны, а действительно имеют право самим решать свои главные проблемы. Право или культивировать свои традиции, или тянуться за Б-странами – словом, развиваться дальше так, как им хочется. Но с ограничением: не создавать проблем друг другу и, уж совсем непрерываемо, – Б-странам.

Если принять такое направление ревизии, то возникает практическая забота: придётся ещё внимательней, чем теперь, постоянно заниматься нейтрализацией опасностей (Б-странам со стороны А-стран). При необходимости придётся решительно и жёстко устранять наступление таких бед, которые неумолимо надвигаются. Среди них первая – средства массового уничтожения в распоряжении того или иного экспансионистски возбуждённого общества А-страны. Коротко говоря, этот грубо очерченный отказ от повального перевоспитания А-стран заключается в отдалении от чуждого мира, отдалении психологическом, моральном и даже физическом: если потребуется, – отгораживание строительством барьеров и стен (например, так пришлось поступить Израилю, и США недавно делали шаги в этом направлении).

Предстоит гибко комбинировать способы поведения: по мере возможности – невмешательство Б-стран в дела беспокойных соседей и при необходимости – сдерживание соседей, в том числе решительное.

Попутно. Как это ни неприятно, поясню применённый эвфемизм «сдерживание», да ещё с усилением «решительное». Подразумеваю под этим вполне обычное, не раз опробованное поведение. Не вмешиваться во внутренние дела закоренелых А-стран. Исключить поставки им оборудования или каких-либо приборов и знаний, которые могли бы быть использованы для производства опасных вооружений. В крайних случаях превентивно уничтожать лаборатории и производства оружия массового поражения. Наконец, оружием противодействовать агрессии против Б-страны. И не надеяться, что любители «сесть за стол переговоров» сумеют убогатить агрессора словами; на самом деле, они удовлетворяют себя за счёт кого-нибудь другого, которого им лично не жалко (незабываемый пример – Мюнхенский сговор премьеров Великобритании и Франции с Гитлером и Муссолини за счёт Чехословакии в 1938 году).

Не исключено, что А-страны не поголовно, не вдруг или даже никогда не превратятся в Б-страны, и оборонительное состояние Б-стран придётся длительно считать нормальным.

Но как быть с нашей надеждой на «вечный мир»? Не знаю другого ответа, кроме самого простого: жить так же, как с надеждой на земной рай или на коммунизм. Эти мечты прекрасны и, быть может, необходимы, но не нужно путать мечты с действительной жизнью. А если бы такие мечты осуществились, то, вероятнее всего, человечество деградировало бы в расслабленном сне и затем исчезло, и этот результат не многим лучше, чем исчезновение из-за применения оружия массового поражения.

Яркие примеры сдерживании: Рим, Китай. Сдерживание нацистской Германии (тогда тоже А-страна) осуществляла большая коалиция Б-стран с привлечением СССР. Хельсинские соглашения – тоже элемент сдерживания, на этот раз по отношению к СССР: некоторое умиротворение его и обещание о послаблении его внутреннего режима были достигнуты в обмен на всеобщее признание нерушимости образовавшихся в результате войны выгодных для СССР границ в Европе.

Нужно заметить, что, помимо перестройки идеологии, а это психологически тяжело, пришлось бы ещё поступиться серьёзными экономическими преимуществами слишком плотного взаимодействия Б-стран с А-странами в использовании их природных ресурсов, в сбыте там товаров, в организации там производств на основе более дешёвого труда. Отсюда, в частности, – урезание идеи глобализации экономики.

Трудно избавиться от подозрения, что сознательно сдерживать своё, грубо говоря, корыстное вмешательство оказалось бы Б-странам ещё труднее, чем преодолеть психологические барьеры.

К итогу

Необходимо различать необходимое равенство прав граждан и неизбежное неравенство их способности пользоваться этими правами.

Складывается впечатление, что отказ от переосмысления отношения Б-стран к А-странам и к переселенцам из них вряд ли оставит какую-нибудь перспективу кроме сегодняшней вовлеченности в бессмысленные войны и привыкания к террору.

Грубо намеченная здесь желательная перспектива замены вовлечённости Б-стран в жизнь А-стран на отдаление от них трудна морально и практически, но, надо думать, всё-таки реализуема – хотя бы постепенно, рывками.

Добавление: новейшие лозунги и реальные заботы

Учёные и политики совсем недавно, кто искренне, кто, будучи лично заинтересованным, пугали людей озоновой дырой, глобальным похолоданием. Теперь чуть ли ни они же пугают глобальным потеплением, иначе – климатическим кризисом. И сегодняшние погодные аномалии воспринимаются как признак движения к катастрофическому результату. Его прогнозируют через десятки лет, вплоть до ста, одни – как результат образования углекислого газа предприятиями, транспортом, другие ещё сильнее пугают метаном – вследствие пуканья коров и пр. Хотя метан, как будто, опаснее и его проще ограничить, первые успешней добиваются всяческих запретов.

Удивляет детерминизм предсказания, вплоть до наивной экстраполяции сегодняшнего положения в далёкое будущее. Разве мы не знаем, что наша планета претерпела много серьёзнейших изменений, связанных с деятельностью не людей, а солнца? И такие изменения, конечно, не прекратились. Разве не ясно, что на длинной многолетней перспективе могут произойти многие совершенно непредвиденные сегодня события и среди людей? Они могут решительно изменить жизнь человечества, улучшить, ухудшить её или даже вызвать гибель. Сегодняшняя совершенно неожиданная пандемия миллионами уже состоявшихся смертей призывает нас помнить, что, как сказано, «человек предполагает, а Бог располагает».

Производство электроэнергии ветряками и солнечными батареями уже сегодня богатым странам доступно, для бедных же разорительно. Но есть бесспорный способ улучшения атмосферы (и, попутно, уменьшения нужды в пластмассе) – беречь леса, восстанавливать их после вырубки и пожаров, разводить новые и украшать жизнь парками. Не забудем и способ борьбы не только с загрязнением воздуха, но ещё и с возможными пандемиями – охладить страсть к вовсе не обязательным для жизни проявлениям глобализма и, в частности, просто-напросто вывести из моды праздное мотание масс людей по миру.

Уверен, что наши недалёкие потомки найдут лучшие, чем сейчас, способы борьбы с загрязнением планеты и, в частности, с избытком вредных газов. Способы не запретительные, а созидательные.

Но революционные экологи нетерпеливо грозятся, как в известной песне: «Разрушим до основания». И что будет «затем»?

Удивительно, что прогноз на много лет вперёд столь оптимистичен – до перегрева планеты ещё надо бы человечеству дожить, а вот это-то как раз сомнительно. Разве не видно, кто и как рвётся к ядерному оружию и к средствам его доставки на головы предполагаемых врагов? И разве те, кто всем этим уже обладают, не похваляются дальнейшими усовершенствованиями? Успехи науки и техники и доступность информации сделали всё это достижимым для многих стран – всего за несколько лет. Казалось бы, то, что ядерным оружием владеют безответственно агрессивные лидеры и стремятся к нему новые такие же, должно встретить дружный отпор хотя бы со стороны влиятельных благополучных стран. Но нет – важнее сиюминутные электоральные и коммерческие интересы, а то и просто межправительственные свары.

Разве не показала сегодняшняя пандемия, что хоть завтра может преподнести злоумышленник-биолог? Например, сведущая Ю. Латынина утверждает, что в мире существуют десятки лабораторий, в любой из которых, где слаб контроль, какой-нибудь учёный человеко-навистник вполне может сварить новый смертоносный вирус. А распространить его – не проблема.

С другой стороны, низового антивоенного движения тоже не заметно. Оно, видимо, кажется неважным на фоне экологических, феминистских и гендерных проблем, или притеснения национальных меньшинств. Нет никакого сомнения – для отдельных групп людей даже в благополучных странах эти проблемы крайне важны, и гораздо актуальнее они в странах неблагополучных. Как менее глобальные и более традиционные они каждому более привычны и не так тревожны, как гибель в ядерной войне, на них люди легко откликаются. При желании их удаётся навязать ожесточённо и бескомпромиссно и даже обострить вплоть до яростных погромов, как это было недавно в США. Как будто в мире уже нет гораздо более насущных проблем, проблем многих, большинства: нищеты, бесправия, войн, сегодняшней эпидемии. Как будто нет и самого худшего для всех людей – гибели от ядерной войны или от смертоносной эпидемии. А неприятности от климата могут выступить катализатором этого.

Если люди не опомнятся и, не забывая о своих частных проблемах, не повернутся лицом к общим актуальнейшим жесточайшим опасностям, то страшная угроза – ядерная война, злая эпидемия и с ними вероятное исчезновение человечества, вполне могут стать реальностью.

И совсем не через 100 лет, а гораздо раньше.

Глава 3

Недоброе наследство

Речь пойдёт о наследстве, которое получили дети и внуки тех отцов и дедов, которые всего 80 лет назад вовлекли европейский континент в кровавейшую бойню. И о том, как оно теперь выглядит.

Евреи в Европе прошлого

Как уже упомянуто, в ходе второй мировой войны были целенаправленно истреблены десятки миллионов людей. В уничтожении миллионов евреев и цыган гитлеровцы идейно опирались на науку, на будто бы научный расизм. В реальности же, почти повсеместной опорой расистов служили местные ненавистники чужаков и ещё более многочисленные алчные похитители имущества соседей, а также ревностные служаки, отбросившие совесть ради карьеры и корысти. Рядом находились благоразумные прагматики и конформисты, и не последнюю роль играла жёсткая затравленность страхом.

Энтузиазм пособников временами даже перехлёстывал, мешал плановому процессу уничтожения. Тем не менее, нацисты далеко продвинулись к своей цели. Но были разгромлены, не успев довести своё дело до конца.

Противодействовали лишь немногие – те, кто, повинувшись благородству души, преодолели страх и кого впоследствии с громадным почтением благодарно нарекли праведниками, к несчастью – многих по-смертно.

Часто удивляются: как же так – в такой культурной Европе, в культурнейшей Германии могло произойти такое оголтелое хамство. Однако, как это не неприятно сознавать, культура всякого народа не едина: культура Лессинга, Гёте, Томаса Манна, как и культура Пушкина и Толстого – это культура меньшинства, а большинство людей суще-

ствует в решительно иной культуре. Она под действием неблагоприятных обстоятельств и пропаганды, рядящейся под новую спасительную идеологию, вполне может превратиться в самое настоящее изуверство, и примеры хорошо известны. Всего четыре-пять веков назад сожжены на кострах тысячи европейских еретиков и ведьм, не говоря уж о евреях. В Риме в 1600 году сожгли живьём как еретика учёного Джордано Бруно, а через 33 года судом инквизиции вынудил Галилея отречься от своих взглядов, и это считалось милосердным. Оба излагали то, что сегодня – непререкаемые азы астрономии.

Попутно. Часто слышно возмущение тем, что Рузвельт и Черчилль, зная о происходившем в Европе уничтожении евреев, ничего не сделали, чтобы помешать этому, например, не разбомбили подъездные пути к лагерям уничтожения. Однако, против таких действий были по крайней мере две причины.

Первая из них – чисто практическая. После бомбёжки немцы согнали бы заключённых чинить пути и те восстановили бы их за день. Следовательно, нужно было разрушать пути многократно и не к одному лагерю, а к нескольким. Так чем же нужно было заниматься англо-американской авиации, разрушением путей или уничтожением военных объектов и дезорганизацией жизни немецкого населения? Думается, командование считало своей задачей вторую: именно её решение приближало конец войны. И, кстати, давало нацистам меньше времени на доуничтожение евреев.

Вторая причина сложнее. Лидеры коалиции, включая и Сталина объединились против опасного для их стран врага, а вовсе не против его юдофобства, и они возглавляли собственные страны с юдофобским населением и с правительствами того же рода. Применительно к населению США, свидетельство можно найти в романе Артура Миллера «Фокус», опубликованном в 1945 году (издан в России, 2010, АСТ: Астрель). Действие романа происходит в обывательской совершенно юдофобской среде Нью-Йорка во время второй мировой войны. Другой пример, из Э. Хемингуэя, приведён в «Добавлении», помещённом в конце этой главы.

Союзники, чтобы успешно воевать, должны были помалкивать о том, что победа спасёт евреев, отмежеваться от этой проблемы. К примеру, известие о гибели английских лётчиков при бомбёжке ради спасения евреев, вызвала бы крики влиятельной в Британии прогерманской оппозиции типа: «Так вот за что заставляют гибнуть наших парней!» – и это осложнило бы войну с нацизмом.

Похоже, что такого же рода соображения препятствовали в своё время признанию многих фактов, касающихся евреев: их широкого участия в войне, их героизма в боях, их великих трудов в военной промышленности, а также особенно массовой гибели от рук нацистов именно их, евреев.

Прогрессизм

Приход во время войны на континент американцев и англичан вынудил предков круто повернуться к миролюбию и плюрализму и вос-

принять англосаксонские понятия о праве. Эти понятия передались потомкам, у которых они наложились на традиционную склонность европейских интеллектуалов к социалистическим идеям. В результате сформировалось новое понимание общественной жизни, его часто употребляемое имя – левый либерализм. Чем связывать это направление с либерализмом, лучше называть его, по примеру многих, прогрессизмом. Как свойственно неوفитам, европейские прогрессисты пошли дальше своих англосаксонских учителей, но и бывшие учителя затем стали подтягиваться за своими бывшими учениками.

Попутно. По поводу склонности к передовым идеям (в сущности, социалистической идее централизованного управления) вспомним, как многие из интеллектуалов, никак не глупые и в иных отношениях не наивные, в отвращении к наглядной несправедливости капитализма были очарованы идеями Маркса. Позже они ещё сильнее увлеклись уже не идеями, а действиями сначала Ленина, за ним Муссолини, потом Сталина и Гитлера. Их завораживал тот динамизм, который эти вожди вдохнули в как бы загнивающее без них скучное общество, и они не хотели замечать громадные издержки и просто преступления тоталитаризма, милитаризма и расизма. Это, правда, не сразу бросалось в глаза из-за плотной завесы авторитарной пропаганды и секретности. Очарование исчезло только с началом войны, да и то выборочно, не сразу и не везде. Теперь замечен его возврат и рядом – возврат юдофобства.

Многие интеллектуалы прогрессивно мыслят с большой решительностью. Им искренне кажется, что мир нуждается в их миссионерских поучениях относительно того, как было бы прекрасно сделать всех людей по их подобию (об этом – в предыдущей главе) и что именно должен немедленно предпринять наш разнообразный мир на пути к подравниванию под их взгляды. И журналисты «разносят по умам» (выражение В. Высоцкого) эти взгляды столь широко, что иное выглядит ретроградным, чуть ли ни расистским и т.п., даже искореняется организационно. В это самодовольное заблуждение прогрессисты впадают не первый раз. Печально видеть, как стремление к свободе, равенству, братству не раз оборачивалось и вновь оборачивается диктатом односторонних взглядов, которые подаются такими прогрессивными. Как видно, прошлое христианское миссионерство, восторг от динамизма тоталитарных обществ прошлого века и затем итоги антиколониализма ничему не научили.

А ведь давно известно, что нетерпеливо подталкивать естественное развитие жизни есть не только непростительное самовольство, это и опасно. Говоря грубо, опасно бежать впереди паровоза.

Попутно. Вот недавний пример. За беспримерным убийством оппозиционного саудовского журналиста в стамбульском консульстве Саудовской Аравии последовали поучения, удивительным образом переросшие даже в показательную порку. А ведь это преступление произошло в исламистской цивилизации, где диктатура и подданные живут по обычаям, не свойственным благополучному миру, – и это их право. Ужасные с его точки зрения эксцессы, пусть не такие наглые, совершаются в исламском мире регулярно. Казалось бы, понимая это, можно было бы в данном случае ограничиться соболезнованием несчастному, который попал в ловушку. Но нет, негодовали на президента США за то, что он в отместку за убийство журналиста не отказался от взаимодействия с Саудовской Аравией против ИГ и от выгод торговли с ней.

Теперь общественно значимый внутриевропейский пример. Политическая свобода и демократия всё заметнее оборачиваются беспринципной погоней за пополнением своего электората, в конечном итоге – за кресла в парламенте и в министерствах. За последние годы мы видели удачную раскрутку крайне сомнительных прогрессистских лозунгов об отказе от атомных станций (об этом – в моих книгах «Аварии и вокруг них» и «Книга XX век»), от дизельных автомобилей, от угольных электростанций, о бесконтрольном приёме переселенцев (об этом – в предыдущих главах). Правящие в Германии группы не только не разоблачают ложность этих призывов или, по крайней мере, их неправильную локализацию территорией страны и их преждевременность (это бы полбеды), но в борьбе с соперниками перехватывают их и, рядясь в самых истоках прогрессистов, идут дальше – претворяют эти призывы в жизнь. Делают это без оглядки на их нежизненность и неизбежные вредные последствия реализации. Например, громадное большинство землян мечтают вовсе не об улучшении экологии, а о простом пропитании и о крыше над головой, но мало кто осознаёт, что траты на экологию обогащают борцов за неё и отдаляют сытость многих бедняков.

Пример из борьбы с гомофобией – скандал вокруг неплохого, как считают в Англии, танцовщика С. Полунина. Он довольно резко написал, что балетный кавалер должен контрастировать даме и, значит, выглядеть мужественно и что ему, Полунину, неестественно наблюдать, как целуются мужчины. За эти будто бы гомофобные выходки он презираем и чуть ли не изгнан из профессии. Но ведь первое из этих утверждений бесспорно: смысл парного танца во взаимодействии мужественности и женственности, в их дополнении, противопоставлении, иногда даже борьбе за первенство, и, если кавалер недостаточно мужественен, парный танец лишается сюжета. А относительно публичных лобзаний кажется естественным уважать свободу постороннего наблюдателя, свободу от несвоевременно раздражающей чужой сексуальности, и поэтому не доводить свою свободу до эксгибиционистской демонстративности.

Хотя у некоторых гендерные и сексуальные проблемы совсем не шуточные, можно всё-таки и улыбнуться. Ведь стремление к справедливости легко можно довести до смешного. Слышал, например, что в некоторых особенно прогрессивных организациях уже введена поощрительная квота на присутствие женщин в руководстве. Для женщин такая квота разве не унизительна? Можно ждать, что следующим шагом будет требование феминистской квоты на число Нобелевских лауреатов: действительно, в науке трудится так много женщин, и так мало их среди награждённых! Или ностальгически вспомним, как совершенно уравненных в правах счастливых советских женщин допускали к ломам ремонтировать железнодорожные пути или таскать тяжести на стройках.

Абсурды можно множить бесконечно. Вознегодуем, почему среди победителей музыкальных конкурсов малые и большие страны, в отличие от ООН, не представлены одинаково! Или потребуем, чтобы в числе одиннадцати футболистов был на поле хотя бы один инвалид. Или давайте в футболе играть микст, как в теннисе!

Хорошо бы, опять скажу, не забывать, что права людей, хотя бы в благополучных странах, одинаковы, но люди не одинаковы.

Я 6 лет занимался релейной защитой и автоматикой первых линий электропередачи 400, потом 500 кв. – сначала непосредственно на подстанциях, затем в управлении Мосэнерго. Остальные 36 лет разрабатывал противоаварийную автоматику для энергосистем в проектно-исследовательском институте. И утверждаю: романы, конечно, были, но я ни разу не заметил нетактичного отношения к женщинам, не говоря уж о притеснении. Хотя состав этих двух организаций было резко не одинаковым. На эксплуатационной работе женщины среди специалистов были редки, и это не удивительно: эта ответственная работа требует большой собранности, часто физически трудна (кабели, тяжёлые приборы), иногда требуется работать неожиданно, даже ночью. А в институте женщин было больше, чем мужчин. Среди моих сотрудников были два толковых мужчины и две толковых женщины, одна из них стала моей женой и помогала мне во всём, а другая, математик по образованию, была моим самым близким сотрудником в наиболее сложных исследованиях. В институте я знал много способных женщин, и они ценились никак не меньше мужчин. Но они были более специалистами, чем начальниками. Их не сдерживали, наоборот – они, в отличие от многочисленных энергичных мужчин, обычно не желали отходить от уважаемой и устойчивой профессиональной работы и трепать себе нервы с подчиненными и с начальственными карьеристами. Я замечал, что женщины в тех областях техники, где требуется чёткое логическое мышление и упорство, много предпочтительнее мужчин (пример – разработка логических схем или программирование), и они могли найти погрешность в любой чужой логической схеме, но не всегда охотно разрабатывали новое.

Евреи в Европе сегодня

Особенно хорошо видна лицемерность уравнилельных идей и миссионерства на картине европейского отношения к европейским и израильским евреям.

Сначала – о европейских делах. Французская революция уравнила евреев в правах в конце XVIII века, уже около 150 лет антисемитизм в европейской цивилизации выглядит не очень приличным, 75 лет назад ликвидированы концлагеря уничтожения евреев, расизм заклеимён, и несколько десятилетий казалось, что юдофобство ушло из Европы.

Попутно. Германия приняла более ста тысяч евреев с территории, в основном, бывшего СССР, накормила их, расселила, обучала языку, предоставила им работу или немалое социальное пособие на питание, жильё и медицину, она восстановила множество синагог, т.е. сделала много практических шагов в сторону искупительного восстановления довоенной еврейской жизни среди немцев. И евреи уже второго поколения хорошо интегрированы в новых для них условиях. Но сделанного назад не воротить: евреи в Германии уже не те – мало религиозны и притом слишком малочисленны для возврата к прежней роли в интеллектуальной жизни страны.

Но за последние несколько лет стал ясен, и теперь это всеми признано, резкий рост европейского юдофобства. Во многих странах, как бы цивилизованных и гордых своей демократичностью, за ширмой болтовни политиков о борьбе с ним – оно живёт-процветает и быстро ширится. И это при том, что в некоторых странах евреев практически нет, а там, где они заметно присутствуют, они, в сущности, настолько ассимилировались, что лишь редких из них отличишь от большинства.

Попутно. Легко заметить, что еврейские учреждения в Германии защищаются постами полиции, уже и канцлер назвала это позором, а в школах еврейские дети принуждены терпеть моббинг, столь знакомый по СССР. Но в Германии он растёт, и более всего – со стороны детей из мусульманских семей.

Полицейская защита евреев, напоминая средневековую их защиту посредством изоляции в гетто, не кажется мерой ни перспективной, ни даже сиюминутно разумной. Уменьшая количество нападений и их масштаб, и это хорошо, она вместе с тем камуфлирует застрельщиков, консервирует создавшееся положение и препятствует осознанию обществом надвигающейся беды. Но полицейские не могут противопоставляться народу, они часть его, и они, наконец, устанут защищать евреев. Да и невозможно приставить полицейских ко всем евреям, как следовало бы, исходя из случаев избиения ритуально одетых евреев на улицах Берлина. (Кстати, не кажется очень разумной демонстрация в общественных местах тех или иных личных особенностей: религиозных, политических, сексуальных, спортивных и т.п. Тактично ли видом особенностей своей приватной жизни без спроса нагружать незнакомых людей?)

Приём в Европу большого количества людей мусульманского мира не только сказался на её евреях, но и вызвал межгосударственные трения внутри Европейского Союза (ЕС). Это – и сдвиг вправо предпочтений населения некоторых стран, и более громогласный факт – вы-

ход из ЕС, может быть, важнейшего его члена – Великобритании (думается, он связан также со стремлением британцев избавиться от мелочных предначертаний руководства ЕС).

Попутно. Уход Великобритании меняет политическую конфигурацию Европы. Доминирование Германии больше не уравнивается в ЕС влиянием Великобритании, оно становится всё более непрекаемым как в ЕС, так и в континентальной Европе в целом (за исключением России), которая в некоторой мере противопоставляется Великобритании, поддерживаемой со стороны США. Что же касается России, то, несмотря на введённые против неё санкции, торговля с ней Германии заметно расширяется. Эта конфигурация напоминает 1940 год. Но сегодняшняя Германия – не милитаристская страна, и поэтому верится, что эта аналогия не будет расширяться.

Спросим себя, не ждёт ли Европу впереди «закат», предсказанный сто лет назад и многими подтверждаемый сегодня. Возникает неприятная последовательность вопросов. Не заставит ли европейская ненависть переместиться ещё не ассимилированных и религиозных евреев в более безопасные места? Не последует ли за ними и часть тех ассимилированных, которые не забыли о своей национальности? Не приведёт ли этот очередной вынужденный исход евреев к дальнейшему интеллектуальному и моральному оскудению Европы? Под напором агрессивного исламизма не окажется ли этот исход лишь первым шагом к утрате Европой её сущности как иудео-христианской цивилизации?

Истоки современного юдофобства коренятся там же, где у предков. Те снобы, которые мнят себя элитой, чураются евреев как чуждых и вульгарных пролаз, притом ещё и успешных конкурентов. В глазах же людей попроще евреи ассоциируются никак не с их инициативным трудолюбием, которое они видят рядом с собой, а только с ненавистными капиталистами. Тут работает примитивная логика: капиталисты ненавистны, среди них есть много евреев, следовательно, надо ненавидеть евреев, причём не только евреев-капиталистов, а всех и ещё больше, чем капиталистов.

А теперь добавилось негодование на желание Израиля быть на своём всего лишь пятакке государством, открытым для всех евреев мира, именно для евреев, в сущности, убежищем для них. Нынешние европейцы стараются побудить евреев, недобитых во время войны и обосновавшихся, наконец, на своей древней родине, в Израиле, слиться в некое единство с окружающими страну арабами, считающими себя наследниками бежавших с этой земли. Слиться так сильно, чтобы не понимать, что это приблизит к осуществлению страстную мечту наиболее истовых исламистов уничтожить и это государство, и иудейскую религию, и, наконец, евреев.

Попутно. Более того, подобную как бы гуманную линию мультикультурализма прогрессисты гнут и в Европе, несмотря на опасность потерять на этом пути европейские цивилизационные основы.

С образования Израиля его соседям пришлось, к сожалению, потесниться, отсюда их претензии и претензии многих в мусульманском мире, а затем и многих в других странах включая, как ни удивительно, и европейские. С этого момента уже 70 лет, в ходе нескольких войн народ Израиля предотвращает своё уничтожение мусульманским окружением и делает это успешно. Одновременно, в условиях неподдельной демократии он интенсивно развивает свою науку, культуру, экономику и социальную сферу как евреев, так и проживающих вместе с ними арабов.

Попутно. Европейцы, казалось бы, должны помнить о несравненно более существенной послевоенной перекройке восточной Европы: часть Финляндии, Эстония, Латвия, Литва, Молдавия, восточная Пруссия, сдвиг Польши на Запад и исход немцев, изгнание со своих земель целого ряда народов внутри СССР. В дополнение к бедам войны перекройка принесла очень много дополнительных бед миллионам людей. Затем, вблизи 1990-го года, произошли новые изменения. Эти трагические катаклизмы пережиты, и теперь страны Европейского Союза довольно неплохо сосуществуют – несмотря на проблемы, надуманные ими же, и военные предприятия России (в Молдове, Грузии, Украине), не слишком, как видно, их тревожащие.

Несправедливость европейцев к Израиллю была до последнего времени вполне естественной: она определялась их зависимостью от арабской нефти. Плюс к этому – традиционная неприязнь к США, стране на зависть успешной и дважды счастливо выручившей европейцев во время их страшных войн. Эта неприязнь переносится и на Израиль, поскольку он с США сильно связан.

Понятно, что мультикультурный лозунг антисиионизма раньше и сейчас прикрывает простое завистливое юдофобство. Но, думается, дело не только в этом, и заметно нечто новое.

Существование Израиля неприятно напоминает европейцам об их позоре – дружном уничтожении их ближайшими предками миллионов евреев в 30-х и 40-х годах прошлого века. По аналогии, объявляется возмутительным сегодняшнее поведение Израиля, которое, де, копирует прежнюю европейскую чудовищность. Мол, они там у себя устроили невесть что, и невпопад выкрикиваются какие похлётче бранные слова: фашизм! расизм! геноцид! Тем самым холокост не то, что оправдывается, нет, но задним числом как бы поясняется его есте-

ственность: мол, теперь видно, что эти бывшие страдалцы – ничуть не меньшие мерзавцы, чем наши предки.

Проглядывает и ревнивое чувство: еврейский народ, собравшись со всего света в Израиле, похоже, не нуждается в европейском патронировании, он чувствует себя там увереннее, чем в Европе под крылом её новоиспечённого гуманизма и мультикультурализма.

Попутно. Последнее напоминает бытовую ситуацию: он потиранствовал над своей женой вволю, а когда она вырвалась от него к самостоятельности, едва скрывает новую ненависть к ней, раньше только чем-то негодной, а теперь ещё и ослушной. И он страдает от того, что она не следует его советам.

Не исключено, что описанное восприятие современных губительных странностей европейского сознания излишне эмоционально. Но видно, что оно не является чем-то особенным. Именно такого рода беспокойство становится всё свойственной европейцам, оно приносит не сплошь сладкие плоды, но всё-таки внушает некоторый оптимизм.

В заключение – оптимистическое наблюдение: недавние исламистские убийства в Европе как будто начали менять риторику руководителей Европы. Проявят ли они последовательность в действиях, не ясно.

Но очевидно иное: уже несколько десятилетий у европейских евреев имеется возможность исхода в свою страну. В обозримом будущем Израилю, как видно, удастся сохранить эту возможность. Для евреев она, в сущности, лишает европейское юдофобство прежней драматической актуальности.

Добавление: перечитывая роман Хемингуэя

Главное в романе «Фиеста. И восходит солнце» (1926 г.) – нелёгкие отношения между тремя опустошёнными недавней войной приятелями-англоамериканцами и отношения с ними их несчастной подруги. И это происходит в поразительной ситуации: казалось бы, получившие отвращение ко всякой бойне (роман «Прощай, оружие!» того же автора), они чувственно отдаются кровавому испанскому зрелищу боя быков – апогею многодневного карнавала, а их подруга – матадору, искусному убийце быков.

Однако, в связи с темой данной главы любопытно другое – как много внимания уделено в этом романе отношению этой компании к

приятелю-еврею, чуждому ей навязчивостью своего поведения, естественного и наивного. Он прибил к ней силой любви к её женщине.

Повествование ведётся от лица члена компании, журналиста, и начинается описанием, одним из немногих в романе (в отличие от разговоров). Цитирую:

«Роберт Кон когда-то был чемпионом Принстонского университета в среднем весе. Не могу сказать, что это звание сильно импонирует мне, но для Кона оно значило очень много. Он не имел склонности к боксу, напротив – бокс претил ему, но он усердно и не щадя себя учился боксировать, чтобы избавиться от робости и чувства собственной неполноценности, которое он испытывал в Принстоне, где к нему как к еврею относились свысока. <...>

В военном училище, где он готовился к поступлению в Принстонский университет и занимал почётное место в футбольной команде, ничто не напоминало ему о расовых предрассудках. Никто ни разу не дал ему почувствовать, что он еврей, пока он не приехал в Принстон. Он был славный малый, добродушный и очень застенчивый, но такое отношение озлобило его. В отместку он выучился боксу и вышел из Принстона болезненно самолюбивым, со сплюснутым носом, и первая девушка, которая обошла с ним ласково, женила его на себе.»

Как видим, рассказчик снисходительно описывает искривлённую психику симпатичного надоедливового чужака. (Такого же рода еврейскую любовь к спорту я видел у своих сокурсников в Московском энергетическом институте, где учился в начале 1950-х годов.)

Вторая кульминация романа – взрыв эмоций уже не на арене, а в жизни героев. Против отношений, безразличных, казалось бы, и к словам, и к поступкам, восстал именно чужак, еврей: он (боксёр!) тяжело избил красавца матадора, соблазнённого любимой этим чужаком женщиной, и двумя ударами уложил её сопутствовавшего рассказчика истории.

Как бы вскользь, но настойчиво Хемингуэй представил здесь почти недавнюю (всего сто лет назад) обстановку в США. В интеллектуальной среде! И – в Принстоне, не где-нибудь!

Глава 4

Протесты и страхи

Возмущение самовластием

Возникновение общественных противоречий – естественный результат развития, и, к сожалению, не всякое противоречие можно уладить переговорами, уговорами или призывами.

Попутно. В межгосударственных делах призывы: «давайте мирно договариваться», или «надо сесть за стол переговоров» – звучат повсеместно, и они, конечно, симпатичны. Но не всегда продуктивны. Удастся ли договориться, если одна из «договаривающихся сторон», как это часто бывает, заинтересована в продолжении конфликта, это состояние устраивает её или если она имеет декларируемой или скрытой целью явное ущемление или даже уничтожение другой? А ведь именно таковы переговоры по множеству конфликтов: Карабах, Непал, Кипр, восточная Украина, Палестина ...

Чтобы упрямую «договаривающуюся сторону» довести до склонности к договорённости, нужно сначала, как хорошо известно, потрудиться над тем, чтобы существующее положение стало для неё неудобным, а лучше нетерпимым. Но если есть просто желание покрасоваться «за столом переговоров» эти азы продвижения к успеху совершенно не интересны.

Для естественного спокойного развития общества нужно, чтобы развитие было не заперто архаичным правлением, а приветствовалось и канализировалось по мирному пути. Но для авторитарно управляемых обществ это практически невозможно, и поэтому жизнь без различного рода насильственных событий – лишь обольстительная мечта правителей, химера.

С точки зрения своевольной власти, слова вроде бунт, восстание, революция – страшный жупел. Она догадливо опасается, как бы недовольство своего народа не переросло в народное возмущение. Из страха перед свержением власть пускает вход всё: всевозможные ругательства и основанные на них законы, запрещающие не только оппозицию, но и критику и общественную деятельность. В России берётся в агитаторы ещё и Пушкин с его метким выражением, возник-

шим в связи с изучением восстания Пугачёва: «российский бунт, бессмысленный и беспощадный».

Призывы к решительным переменам такая власть так уверенно обзывает беззаконием, как будто её своеволие, обычно чуть прикрытое флёром придуманных формальностей, законно. И вместе с тем самовластие мало что делает, чтобы люди, не находя иного пути, не взорвались насилием. Страх перемен и жестокое противодействие им как раз и ведут к ответному насилию того или иного вида: заговор, путч, переворот, мятеж, бунт, революция.

Прогресс (или регресс) в А-стране очень редко может произойти демократическим путём: как на него встать, если демократии-то и нет? Более того, если переход к как бы демократии, ура, уже провозглашён, то как она может воцариться действительно? Ведь прежним властям удавалось воспрепятствовать созданию общественных структур, способных к самоуправлению на местах и управлению страной. Она препятствовала образованию даже того общественного слоя, успеху которого нужна именно демократия (как во Франции XVIII века так называемому третьему сословию). Каким чудом такое общество обойдётся без хаоса и нового витка самовластия?

Как ни суди, решительные толчки европейскому прогрессу дала серия революций, отнюдь не бескровных, для многих современников – мучительных и для ещё большего числа наблюдателей – устрашающих.

Попутно. Если не демократия, то необходима хотя бы сменяемость людей у власти. Пусть даже диктаторы, но разные! К сожалению, это утверждение не абсолютно: слишком часто к авторитарной власти рвутся совершеннейшие мерзавцы. Но приукрашенные сладкими словами.

Коль скоро искусственная задержка практически возможных перемен привела к насилию, оно часто оказывается очень кровопролитным (Россия 1917 года, современные Ливия и Сирия), но может обойтись и без жертв или почти без них.

Пример внешне мирной революции в сравнительно демократической стране – события в Германии 1933 года, когда оболваненный и запуганный штурмовиками и красными отрядами народ проголосовал за нацистов и затем дружно поддержал их, а президент страны не нашёл ни доводов, ни сил воспрепятствовать передаче власти Гитлеру, и она моментально стала террористической и агрессивной.

Выпадает и счастье – совсем мирный переход власти от диктатора к оппонентам. Пример – конец власти Пиночета в Чили. Пример мирной революции – Польша 1989 года, пример почти мирной – Украина 2014 года.

Сам факт общественного катаклизма может ещё не завершить дело: в процессе развала Югославии и СССР, а также после, казалось бы, окончания развала забыли об обязательстве не посягать на чужое, и уже пролилось много крови.

Попутно. Не так давно пресса сообщила об удивительном событии: в тропической Африке, в Гамбии, почти поголовно мусульманской стране с населением меньше двух миллионов человек. Там проиграл выборы президент Джамме. Он в 1994 году удачно возглавил военный переворот против предыдущего президента, который правил почти 30 лет – с момента обретения страной антиколониальной независимости. После этого он переизбирался президентом три раза и в результате правил страной 22 года, и правил, как сообщают, эксцентрично и далеко не безгрешно. Он сказал, что будет править «миллиард лет, если этого захочет Бог». И вот вдруг, несмотря на понятную специфичность проведённых выборов, президентом был избран его оппонент.

В связи с Гамбией вспоминаются замечательные строки Н.А. Некрасова, обращённые к юному собеседнику по поводу только что построенной тогда железной дороги Петербург-Москва:

Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную,
Вынесет всё, что Господь ниспослёт.
Вынесет всё – и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только – жить в эту пору прекрасную
Уж не придётся – ни мне, ни тебе.

Ко многим народам хотелось бы отнести надежду, предшествующую последним двум строкам, и на этом остановиться. Но как тяжёлы эти две строки! Печальный прогноз Некрасова сбылся с лихвой: с тех пор прошло уже больше полутора веков, а широкая, ясная дорога только туманно маячит где-то впереди.

Пожелаем же всем пока несчастным народам лучшей доли!

О мирных протестах

В десятиmillionной Беларуси в 2020 году еженедельно и чаще протестовали десятки тысяч граждан, в шестисоттысячном Хабаровске – тысячи. Власти не шли на уступки протестующим, притесняли их, арестовывали, в белорусы – очень жестоко, можно сказать, изуверски, но к тотальным военным мерам не прибегали, надеялись, видно, на то, что протестанты убоятся, устанут.

Многие комментаторы, насмешливо указывая на миролюбие протестующих, говорят о бесполезности таких протестов, предрекают их неудачу, и, кстати говоря, эти голоса, сознательно или нет, вселяют в протестующих неуверенность, способствуют неудаче протеста. Действительно, напрашивается предположение, что полного успеха мирный протест вряд ли добьётся, но всё же на стыдливо прикрытый компромисс властям пойти придётся.

Даже если эти протесты не приведут ни к какому успеху, значит ли, что они бесполезны? Думаю, что совсем нет, эти протесты дали народу бесценный опыт самоорганизации, самоутверждения и самоуважения. Уверен, что многие сделают естественный вывод: «Мы лихо их пощекотали, дали острастку и теперь знаем, как в следующий раз совсем прижопить!»

Поразительно активнейшее участие в протестах женщин. Это уже не демагогический феминизм сторонниц войти по женской квоте, например, в правление корпорации. Возникло совсем другое явление, важнейшее, – женщины, как будто природой предназначенные быть умеренными и осторожными, вдруг стали создавать бесстрашные карнавалы весёлых и решительных воительниц. Они явились прекрасными! Пока нет возможности, как следует осознать это, можно высказать только одно предположение: уж очень их допекли.

О любопытном повороте сообщила журналистка из Хабаровска. Она спросила полицейских, стоящих в цепи, предназначенной не пустить куда-то протестующих, как они смотрят на эту ситуацию. И получила, как она говорит, парадоксальный ответ, мы, де, здесь на службе, а наши жёны там в толпе.

Протест Ирины Славиной

Тема о новой роли женщин в общественных протестах приобрела однажды истинно трагическую окраску.

В Нижнем Новгороде журналист (её издание – "Коза Пресс") сорокасемилетняя семейная женщина (муж, двое детей) Ирина Славина возле здания МВД облила себя бензином, подожгла его, воспрепятствовала помощи и скоро скончалась. Она написала в Фейсбуке: "В моей смерти прошу винить Российскую Федерацию".

Очевидно, что довели её до такого ужасающего решения ненавистнические и карьеристские действия разного рода безответственных

«правоохранителей» упомянутой ею страны; перед смертью она пережила дома унизительнейший обыск.

Горько предполагать, что те, кто считаются либералами, демократами и защитниками прав и кто не мог не знать о тяжёлом положении этой решительной женщины, не оказали ей, как видно по результату, достаточной моральной и практической поддержки. Может быть, они не вполне одобряли её поведение как слишком радикальное или завидовали её известности? Тогда эти люди – тоже часть обвинённой ею РФ.

Поражает, что несправедливость жизни, притеснения «правоохранителей» восприняты так мучительно именно женским сердцем, ведь самосожжение, будь оно следствием полного поражения или крайним протестом, до сих пор было мужским поступком.

Наконец, удивляет, точнее, уже не удивляет, а просто замечается, как горожане отреагировали на травлю Ирины Славиной и на этот её беспримерный поступок. Цветочками на месте её гибели. А ведь она негодовала против несправедливостей, творимых как раз над ними.

Мои сухие слова дополню двумя высказываниями.

Марина Цветаева находилась в тяжелых обстоятельствах: в связи с позорной деятельностью мужа она подверглась ostracismу эмигрантского круга; её семья находилась в раздразе; гитлеровский захват Чехии она переживала как личную драму. И вот за месяц с небольшим до возвращения в СССР она на всё это отозвалась страстной, захлёбывающейся формулой отрицания:

Отказываюсь – быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь – жить.
С волками площадей
Отказываюсь – быть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть –
Вниз – по теченью спин.
Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещей глаз.
На твой безумный мир
Ответ один – отказ.

11.05.1939

Как оказалось, она слов на ветер не бросала. Вернувшись на родину, она потеряла трёх членов семьи и осталось лишь с любимым сыном, подростково презиравшим её беспомощность. Прошло чуть больше двух лет, и в условиях нищенской отверженности в Елабуге свой отказ она воплотила в самоубийство.

Виктор Ерофеев говорит о поступке Ирины Славиной как о тяжёлом знамении времени:

«Россия ушла за седьмой горизонт. Она уже долго шла туда, последние лет двадцать, но вот пришла. Это далеко, и оттуда редко кто возвращается живым и здоровым. Мы находимся в страшной беде, если женщина – российская журналистка – сжигает себя, виня в своей смерти Российскую Федерацию.

Самосожжение на Руси издавна считалось самой отчаянной формой сопротивления государственной неправде. 47-летняя Ирина Славина, полная сил, здоровья, красивая, боевая, хотела доказать своим леденящим сердце поступком, что правды в стране, в которой она живет, больше нет.»

Что можно добавить к этому?